

DOI: 10.17976/jpps/2016.03.09

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК ТРИГГЕР ГЛОБАЛЬНОГО ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА?

А.В. Коротаев, А.Р. Шишкина, Л.М. Исаев

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич, доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; ШИШКИНА Алиса Романовна, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ и Института Африки РАН; ИСАЕВ Леонид Маркович, кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политической науки НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с авторами: akorotayev@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 12.11.2015. Принята к печати: 27.01.2016

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-03615)

Аннотация. Имеются основания предполагать, что в 2011–2012 гг. мир-система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности. При этом данный переход чем-то напоминает фазовый переход начала 1960-х. Первый (после 1919 г.) переход такого рода произошел в начале 1960-х годов и был связан с ростом после Второй мировой войны глобальной информационной связности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий Четвертого кондратьевского цикла. Фазовый переход начала 2010-х был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже Пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, твиттер, мобильная телефония, социальные сети и т.п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Ключевые слова: Арабская весна; фазовый переход; процессы социально-политической дестабилизации; Ближний Восток; Северная Африка; протестная активность; кондратьевские циклы; хайп-циклы Гартнера; СМИ; новые медиа.

Все мы не могли не заметить, что в 2011 г. в мире вообще (а в Арабском мире в особенности) с социально-политической точки зрения происходило нечто необычное. Арабская весна и протестные волны за пределами арабского мира привлекли пристальное внимание исследователей. В целом в литературе, посвященной событиям Арабской весны и их влиянию на последующую динамику нестабильности в различных регионах мира, можно выделить несколько важных направлений. Одним из них выступают попытки создания прогностических моделей и переосмысления существующей революционной теории с учетом новых реалий.

Так, в 2011 г. Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев выдвинули предположение, согласно которому события конца 2010 и начала 2011 гг. в арабских странах можно рассматривать в качестве начала глобальной реконфигурации мир-системы [Grinin, Korotayev 2011]. Авторы приходят к выводу, что асинхронность развития различных функциональных подсистем мировой системы является причиной синхронности крупных политических изменений. По их мнению,

в процессе глобализации политические преобразования, как правило, отстают от экономических, однако подобное отставание не может нарастать бесконечно; в итоге оно преодолимо, но это сложный процесс. В числе основных векторов реконфигурации мировой системы выступают ослабление прежнего ядра мир-системы (Соединенные Штаты и Запад) и одновременное укрепление позиций ряда периферийных стран (а также общий рост влияния развивающихся стран в мировой экономике и политике) [Grinin, Korotayev 2012].

Дж. Ланг и Х. де Стерк предлагают простую модель динамики революций в диктаторских режимах, применяющих цензуру и полицейские репрессии. В контексте Арабской весны модель применяется для объяснения причин волнений в арабских странах, а также роли Интернета и новых медиа и, как следствие, снижения эффективности цензуры. Однако релевантность модели определяется также ее применимостью к анализу политической ситуации в других регионах с режимами, практикующими цензуру и полицейские репрессии – к примеру, в Иране, Китае или Сомали [Lang, Sterck 2014].

Известный американский социолог и исследователь революций Дж. Голдстоун для описания состояния обществ и революционных процессов обращается к понятию равновесия – устойчивого и неустойчивого. При этом он выделяет пять необходимых и достаточных условий для формирования состояния неустойчивого равновесия:

- проблемы в экономической и фискальной сферах;
- растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит;
- революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью;
- идеология, нарратив сопротивления;
- благоприятная международная обстановка.

Через призму указанных выше условий Голдстоун рассматривает революции, начиная с эпохи Ренессанса и Реформации и заканчивая арабскими революциями 2011 г. в Тунисе, Египте, Сирии и Ливии [Goldstone 2014]. В отношении последних он отмечает, что восстания на Ближнем Востоке не были никем предсказаны, подчеркивая, что степень слабости верховного правителя зачастую можно наблюдать только в ретроспективе. Успешность революции в концепции Голдстоуна определяется наличием следующих условий: правительство рассматривается как угроза будущему страны, элиты (в том числе военные) не стремятся защищать государство, мобилизуется высокорепрезентативный сегмент общества, а международные силы либо отказываются защищать правительство, либо вмешиваются в конфликт на стороне революционеров [Goldstone 2011].

К. Бек утверждает, что Арабская весна стала неожиданным событием не только потому, что предсказание революций – непростая задача, но также и поскольку современные теории революции не располагают достаточным инструментарием для объяснения волн революции в тех случаях, когда причинные механизмы варьируются в зависимости от уровня анализа. Для решения этой проблемы Бек предлагает метаоснову революционной теории, сочетающей в себе несколько уровней и измерений анализа, а также учет их взаимодействий. Структурированный пример дизайнера исследования с использованием методики качественного сравнительного анализа охватывает 16 стран Ближнего Востока и Северной Африки и позволяет выделить субнациональные условия мобилизации в контексте событий Арабской весны, внутригосударственные причины революций, транснациональные факторы, в том числе связи той или иной страны с мировым сообществом [Beck 2014].

Таким образом, автор предлагает теорию, в которой подчеркивается рост значимости мировых культурных сценариев, моделей и практик, их влияние на государства, а также субнациональные условия для мобилизации.

Р.В. Грин и К.Д. Кусва выдвигают идею создания риторической картографии “региональных акцентов”, чтобы продемонстрировать, как те или иные регионы включаются или исключаются из карты власти. Они утверждают, что риторическое перемещение протестов из одного места в другое, выраженное Арабской весной и движением *Occupy Wall Street*, формирует горизонтальный региональный акцент, который, образно говоря, “складывает” протестные регионы друг в друга, как в папку, подпитывая таким образом возникновение новых локусов протеста [Greene, Kuswa 2012]. Возникновение политически субъективного протестующего происходит в местах регионального сгиба, так как именно они создают и отменяют карты власти.

Ф. Волпи отмечает, что при анализе Арабской весны достаточно сложно уйти от структурных объяснительных моделей, которые продолжают доминировать в науке до сегодняшнего дня [Volpi 2014]. Так, большинство исследований, как правило, изобилуют описанием социальных, экономических и политических структур, так или иначе ставших причиной восстаний. К примеру, Гудвин говорит о кризисе авторитаризма как непосредственной причине протестов в арабских странах [Goodwin 2011]. В связи с этим Волпи с некоторым сожалением подчеркивает, что большая часть дискуссий об Арабской весне сводится к обсуждению тех характеристик государств и режимов, которые сформировали предпосылки для революционного восстания, и тех, которые, напротив, ему не способствовали.

110 Группа российских исследователей во главе с С.Ю. Малковым предприняла попытку количественного анализа событий Арабской весны и разработки специализированного индекса для оценки текущего состояния и прогноза уровня социальной нестабильности в странах Арабского мира [см. Малков, Исаев, Коротаев, Кузьминова 2013; Korotayev, Issaev, Malkov, Shishkina 2013; Korotayev, Issaev, Shishkina 2014]. Основываясь на разведочном анализе данных, они выявили ряд факторов социально-политической нестабильности, ставших общими для всех стран Арабского мира: переходный характер политического режима, наличие внутриэлитного конфликта, неэффективность инструментов передачи власти, наличие внутренней конфликтогенности, наличие “горючего материала”, выгорание “горючего материала”, участие исламистов в политическом процессе, кризис неоправдавшихся ожиданий от модернизации и наличие привлекательной альтернативы. В результате ученым удалось сформировать комплексный индекс, учитывающий наиболее значимые факторы социально-политической нестабильности, вычисляемый на основе статистических данных и экспертных оценок и позволяющий оценивать потенциал социальной нестабильности и ее возможный масштаб.

Обширный блок исследований посвящен влиянию событий Арабской весны на стабильность стран Арабского мира, соседних по отношению к нему регионов и мира в целом. Так, к примеру, Н. Данжибо говорит о том, что протесты в Арабском мире, приведшие к свержению авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Ливии, вылились в период политической неопределенности в пострадавших странах и создали условия для возникновения политической нестабильности в странах Сахеля и субсахарной Африки. Неустойчивость государств Африки с недостаточным уровнем государственного управления, в свою очередь, создали платформу для проникновения негосударственных вооруженных акторов в этот регион [Danjibo 2013].

Т. Маттизен отмечает, что с 2011 г. в Саудовской Аравии наблюдалось наиболее масштабное и длительное протестное движение за всю современную историю этой страны. В статье “Саудовская весна? Шиитское протестное движение в Восточной провинции 2011-2012 гг.” [Matthiesen 2012] автор размышляет о том, как небольшие протесты, вдохновленные Арабской весной и чувством солидарности с протестующими в соседнем Бахрейне, превратились в устойчивое молодежное протестное движение с конкретными требованиями и характеристиками. Возникновение этого движения на локальном уровне оказало влияние на политическую и социальную динамику шиитского сообщества в Саудовской Аравии. Одним из выводов Маттизена стало то, что хотя новые медиа выступают как хорошие организационные инструменты протеста, личные сети — полуавтономная общественная сфера, и истории, повествующие о подрывной деятельности, существенно облегчили развитие движения.

Можно также выделить ряд исследований, посвященных сравнению Арабской весны с другими революционными периодами, имевшими место в ближневосточном и прочих регионах с целью лучшего понимания причин, движущих сил и возможных последствий нынешнего кризиса. А. Уилсон и Б. Хестерей предлагают ретроспективное видение проблемы, отталкиваясь от предпосылок, приведших к протестной волне Арабской весны. В первом случае обращается внимание на скрытые факторы, которые определяют проблемное поле Арабской весны [Wilson 2013]. К примеру, на спорной территории Западной Сахары, частично аннексированной Марокко в 1975 г., в октябре-ноябре 2010 г. произошло беспрецедентное восстание, которое предшествовало протестам в Тунисе — первым из череды Арабской весны. Однако восстание в Западной Сахаре зачастую упускается из виду при анализе событий Арабской весны. Скрытые факторы, таким образом, помогают выявить подобные малоизвестные сходства и, в конечном счете, изучить сам протест. Хестерей же в качестве политической аналогии протестов в арабских странах рассматривает прошлое Индонезии [Hoesterey 2013], отмечая, что здесь на протяжении продолжительного периода перехода от авторитарного к демократическому режиму наблюдались схожие условия, в том числе — коррупция, nepotизм, а также правление военных, осуществляемое в течение многих лет в атмосфере безнаказанности.

А. Эрдоган проводит аналогии между событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке с падением коммунистических режимов в Восточной Европе. Автор, вслед за концепцией третьей волны демократизации С. Хантингтона, выделяет ряд сходств между этими процессами: снижение легитимности авторитарных режимов, недостаток экономического развития и начало экономического кризиса, демонстрационные эффекты, новая политика внешних акторов и т.п. Арабские режимы, ставшие объектом антиправительственных выступлений, на протяжении десятилетий авторитарного правления демонстрировали фактическую монополию власти, также в обоих случаях наблюдалось ухудшение экономических условий и рост социально-экономического недовольства. Однако, в отличие от коммунистических режимов, катализаторами арабских восстаний стали такие факторы, как высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, а также внутреннее и региональное социальное неравенство [Erdogan 2013].

К. Уэйленд также предлагает провести параллели между Арабской весной 2011 г. и “революциями” 1848 г., так как обе эти протестные волны охватили целые регионы с рекордной скоростью, но увенчались весьма ограниченными успехами в направлении политической либерализации и демократизации

[Weyland 2012]. Опираясь на анализ событий 1848 г., автор приходит к выводу, что протестующие в арабских странах, воодушевленные падением режима в Тунисе, переоценили его значимость, решив, что могут с такой же легкостью избавиться от диктаторов в своих странах. Арабские общества были слабоорганизованными и находились под давлением со стороны властей, что в условиях отсутствия авторитетных лидеров, на которых могли бы ориентироваться простые люди, вызвало ошутимое ухудшение ситуации.

М. Гунтер изучает так наз. Курдскую весну – ситуацию в Турции, Ираке и Сирии, характеризующуюся формированием демократических требований, в том числе касающихся немедленной реализации культурных, социальных и политических прав [Gunter 2013]. Так, в Турции провалы правительства во многом обусловили курдское возрождение, в Ираке обсуждаются возможности провозглашения независимости Регионального правительства Курдистана. Что касается Сирии, то в этом случае определяющим фактором Курдской весны становится подъем “Демократического союза”.

Влияние арабского кризиса на расстановку сил на международной арене и стратегии взаимодействия между государствами рассматривает и Б. Синкая в своей статье, посвященной иранской внешней политике [Sinkaya 2015], отмечая, что Иран долгое время был не в состоянии выработать последовательную стратегию взаимодействия с ближневосточными странами из-за последствий Арабской весны и стремительной смены обстоятельств. Первоначальный оптимизм иранского руководства относительно потрясений в Арабском мире уступил место осторожности и беспокойству, связанному с новыми вызовами региональной политике этой страны. Таким образом, новый курс Ирана отличается умеренностью и основан на конструктивном взаимодействии.

112

В. Ча и Н. Андерсон попытались посмотреть на северокорейскую политическую действительность через призму событий Арабской весны с целью выявления возможности повторения ближневосточного сценария в этой стране. В результате исследователи выделили пять потенциальных переменных, которые могли бы привести к повторению событий Арабской весны в Северной Корее: социально-экономическое развитие, темпы экономического роста (растущие ожидания), демографические факторы (количество молодых людей), распространение информации и тип режима [Cha, Anderson 2012]. Применительно к Северной Корее авторы отмечают фактическое отсутствие признаков модернизации по сравнению с 1990 г., заметных темпов экономического роста, новых медиа и т.п. и подчеркивают наличие такого фактора, теоретически несущего в себе потенциал политической дестабилизации, как относительно молодое и грамотное население; впрочем, продолжают они, в данном случае он нейтрализуется тем, что в коммунистической экономике фактически отсутствует безработица. Таким образом, двумя возможными источниками проявления недовольства по сценарию Арабской весны в Северной Корее может стать “селекторат” – партийные деятели, офицеры и чиновники, кооптированные правительством и оказывающие ему поддержку, – и городская беднота.

Стоит выделить также исследования, касающиеся международного контекста арабских восстаний и условий синхронизации протестных действий, с особым акцентом на глоболизирующийся характер современного мира.

Факторы синхронизации событий Арабской весны в собственно арабском мире были рассмотрены в целом ряде работ отечественных исследователей, выделивших следующие моменты: (1) высокий уровень синхронности процессов модернизации в большинстве арабских стран, в том числе резкое

падение младенческой и детской смертности в 1970-1980-е годы, что на фоне массивированной экспансии высшего образования привело в 2000-е годы в большинстве арабских стран к синхронному взрывообразному росту численности молодежи вообще и высокообразованной молодежи — в особенности; (2) синхронизирующее действие второй волны агфляции (стремительного роста цен на продовольствие), пик которой пришелся как раз на январь — февраль 2011 г.; (3) синхронизирующая роль общеарабских спутниковых каналов; (4) синхронизирующая роль общеарабского Интернета [Цирель 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Зинькина 2011a, 2011b; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014, 2015; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev et al. 2011; Grinin 2013].

Е. Беллин утверждает, что события Арабской весны обусловили необходимость переосмысления логики авторитарной устойчивости в Арабском мире. С одной стороны, очевидно, что репрессивные действия государственного аппарата имеют решающее значение при определении долговечности авторитарных режимов, но в то же время Арабская весна продемонстрировала возникновение обширного межклассового протеста, направленного на политические изменения, а также появление фактора, способствовавшего материализации этого явления — распространения социальных медиа. Последнее, по мнению Беллин, очевидным образом изменит правила игры для авторитарных режимов по всему миру [Bellin 2012].

Э. Мур при анализе событий Арабской весны и попытке прогнозирования будущего этого региона в целом обращается к процессам глобализации, отмечая, что ее принципы содействуют распространению демократии западного образца, в то время как ближневосточные представления о демократии необязательно включают в себя те же системы и структуры. Таким образом, требования большего демократического представительства, высказываемые в ходе событий Арабской весны, едва ли можно считать региональным ответом на процессы глобализации¹. По ее мнению, преждевременно говорить о перспективах долгосрочного развития региона, однако очевидно то, что любые демократические преобразования здесь будут инициированы изнутри, а не экспортированы, поскольку налицо несовместимость стран Ближнего Востока с западными демократическими концепциями [Roy 2012].

Глобальный характер протестных настроений в мире, связанный с событиями в арабских странах, нашел свое отражение в статье Ч. Курцмана, где предлагается альтернативное видение причинности протестов в современном мире и подчеркивается, что перцепции участников и протестный потенциал распределяются между протестующими — как внутри конкретной политической системы, так и на международном уровне — и не могут быть идентифицированы заранее. Арабские восстания в этом случае служат хорошей иллюстрацией гипотезы о том, что люди способны создавать свои собственные политические возможности, а не реагировать на уже существующие структурные предпосылки [Kurzman 2012].

Новаторскую концепцию анализа событий Арабской весны в международном контексте выдвигает С.Н. Литсас. Он отталкивается от философской концепции древнегреческого основоположника исторической науки и школы политического реализма Фукидида, который выдвинул понятие стасиса

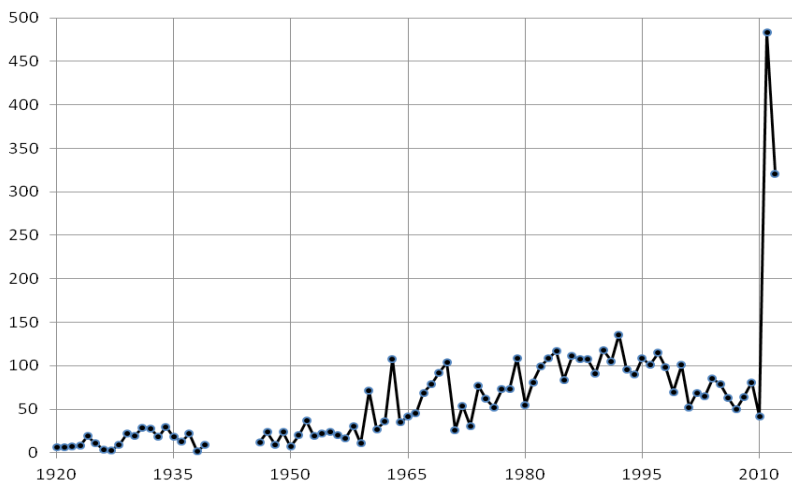
¹ Moore E. 2012. Was the Arab Spring a Regional Response to Globalization? — *E-International Relations*, 02.07. URL: <http://www.e-ir.info/2012/07/02/was-the-arab-spring-a-regional-response-to-globalisation/> (accessed 04.04.2016).

(смуты, раздора), базирующегося на борьбе различных группировок в полисе [Ковельман, Гершович 2015]. Так, Пелопонесская война рассматривается им в качестве стасиса или гражданской войны, которая привела к застою и во многом обусловила вырождение эллинской цивилизации [Price 2001]. Литсас рассматривает восстания Арабской весны как стасис, подчеркивая международный характер этого процесса, который может перерасти в крупномасштабный кризис для соседних политических систем [Litsas 2013]. Стасис является насильственным политическим событием, тщательно спланированным заранее, либо возникшим спонтанно под давлением сложившихся обстоятельств, приводящим к ожесточенным столкновениям между сторонниками действующего режима и его противниками. Из-за своей насильственной природы стасис, как правило, происходит в недемократических условиях и создает благоприятную почву для радикального изменения жизненных условий угнетенных слоев общества. Литсас приходит к выводу, что Арабская весна стала переходной фазой для Арабского мира в направлении панисламской парадигмы. Этот переход способен провоцировать значительную политическую нестабильность во всем мире, открывая жизненное пространство для различных оппортунистических и ревизионистских исламских факторов.

Однако, как нам представляется, оценить истинный масштаб необычности событий Арабской весны и ее глобального эха все-таки вряд ли возможно без привлечения количественных эмпирических данных. Лучше понять мировой масштаб этих событий поможет нижеследующий график (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS (1920-2012 гг.)
Dynamics of the Total Number of Major Anti-government Demonstrations Registered in the World Annually as Recorded in the CNTS Database (1920-2012)

Источник: Cross-National Time Series Data Archive Coverage. – *Databank International*.
 URL: <http://www.databanksinternational.com/> (accessed 19.11.2015).

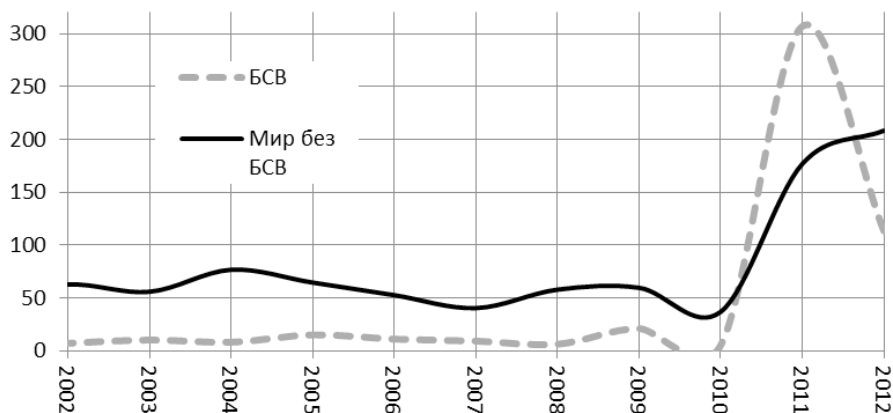
При этом большую часть действительно необычного всплеска протестной активности 2011 г. дал именно Ближний и Средний Восток (и в особенности, естественно, арабские страны), но и в остальном мире (под прямым влиянием Арабской весны) произошел совершенно нетривиальный подъем протестной

активности (достаточно вспомнить многочисленные движения “Оссуру...” — от *Occupy Wall Street* до *Occupy Abay*) (см. рис. 2).

Рисунок 2 (Figure 2)

Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных на Ближнем и Среднем Востоке и в остальном мире за год в базе данных CNTS (2002-2012 гг.)

Dynamics of the Total Number of Major Anti-government Demonstrations Registered in the Middle East and the Rest of the World Annually as Recorded in the CNTS Database (2002-2012)

Источник: Cross-National Time Series Data Archive Coverage. — *Databank International*.
 URL: <http://www.databanksinternational.com/> (accessed 04.04.2015).

Как мы видим, на Ближнем и Среднем Востоке в 2011 г. наблюдался совершенно невероятный (на два порядка²) рост уровня протестной активности, но и в остальном мире этот рост был в 2011-2012 гг. хоть и не столь масштабным, но тоже совершенно не тривиальным — там уровень протестной активности подскочил почти на порядок³.

Имеются основания предполагать, что в 2011-2012 гг. мир-система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние (обозначим его как *фазовый переход В*). При этом данный фазовый переход чем-то напоминает фазовый переход начала 1960-х (обозначим его как *фазовый переход А*).

На рис. 1 *фазовый переход А* “забывается” масштабом *фазового перехода В*, в связи с чем имеет смысл представить этот график в логарифмическом масштабе (см. рис. 3).

Первый (после 1919 г.) фазовый переход произошел в начале 1960-х годов и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий Четвертого кондратьевского цикла⁴. Так, послевоенный период и, в частности, 1950-е годы,

² В 2010 г. *CNTS* зафиксировала на Ближнем и Среднем Востоке только 5 крупных антиправительственных демонстраций; в 2011 г. их число подскочило до 307.

³ В 2010 г. *CNTS* зафиксировала в остальных странах мира 37 крупных антиправительственных демонстраций; в 2012 г. их число выросло до 208.

⁴ О кондратьевских волнах см. напр. [Korotayev, Tsirel 2010; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011; Korotayev, Grinin 2012].

ознаменовались рядом существенных трансформаций в сфере производства, распространения и восприятия информации. В этот период обозначилась тенденция к развитию индустрии персональных компьютеров: в 1947 г. был изобретен биполярный транзистор, а к 1955 г. транзисторы заменили вакуумные трубки в компьютерных конструкциях, что означало появление “второго поколения” компьютеров. Транзисторы обладали целым рядом преимуществ по сравнению с вакуумными трубками, выигрывая по габаритам, энерго- и теплостойкости, надежности и сроку службы [см. напр. Lavington 1998].

Рисунок 3 (Figure 3)

Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS (1920-2012 гг.), логарифмический масштаб
 Dynamics of the Total Number of Major Anti-government Demonstrations Registered in the World Annually as Recorded in the CNTS Database (1920-2012) in Logarithmic Scale

Важные изменения коснулись и радиовещания. В 1954 г. компания *Regency* представила карманный транзисторный радиоприемник, *TR-1*, питание которого осуществлялось от стандартной батарейки, а в 1955 г. *Sony* представила свой первый транзисторный радиоприемник – прочный и достаточно компактный, чтобы поместиться в кармане⁵. Профессор Школы журналистики и медиа-исследований Н. Арсено полагает, что к транзисторным приемникам может быть применено понятие индивидуальности, что означает возможность персонализации устройства и его модификации в соответствии с пожеланиями пользователя; при этом способность портативных радиоприемников принимать сигналы с удаленных вышек объединила пользователей, удаленных друг от друга географически [Arceneaux 2014]. Кроме того, радиоприемники предыдущей

⁵ Transistor Radios. 1999. – *PBS Online*. URL: <http://www.pbs.org/transistor/background1/events/tradio.html> (accessed 04.04.2016).

конфигурации в большинстве своем являлись стационарными объектами, располагавшимися в местах, где их использование не могло остаться незамеченным; портативные же устройства выглядели как бунт против представителей власти, привыкших контролировать традиционные каналы информации, выход из-под их контроля и отрицание их главенствующей роли в этих процессах.

И хотя глобальная информационная связность нарастала все 1950-е годы, рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х. Если до *фазового перехода А CNTS* фиксирует по 20-30 крупных антиправительственных демонстраций в год, то в начале 1960-х этот показатель подскакивает до сотни.

Затем в 1964-1966 (но особенно — после пика конца 1960-х — в 1971-1973 гг.) следует ощутимый спад; однако к 1980-м годам тот уровень глобальной протестной активности, который в начале 1960-х годов казался аномальным, становится уже вполне естественным.

В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х. Но даже в 2010 г. она была выше, чем любой показатель, зафиксированный в *CNTS* до 1960 г.

Фазовый переход В был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже Пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, мобильная телефония, социальные сети и т.п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Рисунок 4 (Figure 4)

Стилизованная графическая репрезентации динамики экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера
Stylized Graphic Representation of the Dynamics of the New Technologies Expansion in the Course of Gartner's Hype Cycle

Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/94/Gartner_Hype_Cycle.svg (accessed 04.04.2016).

Отметим, что, по наблюдению А.С. Малкова, технологически обусловленная динамика протестной активности в ходе предыдущего фазового перехода в чем-то напоминает динамику экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера⁶ (см. рис. 4).

Если эта гипотеза верна, то сейчас мы находимся на второй фазе этого цикла, в ходе которой наблюдается значительный спад протестной активности; однако за этим с высокой вероятностью последует новая (не столь драматичная) фаза нарастания данной активности, после чего ее интенсивность стабилизируется, скорее всего, хоть и ниже пиковых значений 2011 г., но и заметно выше уровня первой декады этого века.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель. 376 с.

Ковельман А.Б., Гершович У. 2015. Война и мир в Талмуде: событие и его смысл. Часть 2. — *Вопросы философии*. № 8. С. 144-158.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011а. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. — *Азия и Африка сегодня*. № 6. С. 10-16; № 7. С. 15-21.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011б. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. — *Историческая психология и социология истории*. Т. 4. № 2. С. 5-29.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. 2014. Ортокузенный брак, женская занятость и “афразийская” зона нестабильности. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 5. С. 180-207.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. 2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. — *Восток*. № 2. С. 88-99.

Коротаев А.В., Малков С.Ю. 2014. Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. — *История и математика*. Т. 9. С. 43-98.

Коротаев А.В., Малков С.Ю., Бурова А.Н., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. — *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. Ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ / URSS. С. 210-276.

Коротаев А.В., Ходунов А.С. 2012. К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток versus Латинская Америка. — *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. Ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ / URSS. С. 337-386.

Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3. С. 28-76.

Малков С.Ю., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кузьминова Е.В. 2013. О методике текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 137-163.

Цирель С.В. 2012. Революции, волны революций и Арабская весна. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3. С. 128-161.

Ходунов А.С., Коротаев А.В. 2012. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3. С. 463-507.

⁶ *Gartner's Hype Cycle*. Отметим, что имеющиеся в настоящее время в русскоязычной литературе обозначения этого цикла (“цикл зрелости технологий”, “цикл ажиотажа”, “цикл шумихи”, “цикл общественного интереса к технологиям”, “цикл ожиданий от технологии”, “цикл признания технологии”) представляются не вполне удачными, и мы предпочитаем пользоваться транслитерацией данного понятия.

Arceneaux N. 2014. Small, Cheap, and out of Control. Reflections on the Transistor Radio. — *The Routledge Companion to Mobile Media*. New York: Routledge. P. 125-134.

Beck C. 2014. Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. — *Theory & Society*. Vol. 43. No. 2. P. 197-223. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11186-014-9213-8>

Bellin E. 2012. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. — *Comparative Politics*. Vol. 44. No. 2. P. 127-149. DOI: <http://dx.doi.org/10.5129/001041512798838021>

Cha V., Anderson D. 2012. A North Korean Spring? — *The Washington Quarterly*. Vol. 35. No. 1. P. 7-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2012.641728>

Danjibo N. 2013. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. — *Strategic Review for Southern Africa*. Vol. 35. No. 2. P. 16-34.

Erdogan A. 2013. From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. — *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. Vol. 12. No. 3. P. 17-31.

Goldstone J. 2014. *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 160 p.

Goldstone J. 2011. Understanding the Revolutions of 2011. — *Foreign Affairs*. Vol. 90. No. 3. P. 8-16.

Goodwin J. 2011. Why We Were Surprised (Again) by the Arab Spring. — *Swiss Political Science Review*. Vol. 17. No. 4. P. 452-456. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1662-6370.2011.02045.x>

Greene R., Kuswa K. 2012. From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. — *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 42. No. 3. P. 271-288. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02773945.2012.682846>

Grinin L. 2013. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. — *Social Evolution & History*. Vol. 12. No 2. P. 35-76.

Grinin L., Korotayev A. 2011. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. — *World Futures*. Vol. 67. No. 8. P. 531-563. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02604027.2011.625749>

Grinin L., Korotayev A. 2012. Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? — *World Futures*. Vol. 68. No. 7. P. 471-505. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02604027.2012.697836>

Gunter M. 2013. The Kurdish Spring. — *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 3. P. 441-457. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2013.785339>

Hoesterey J. 2013. Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. — *Review of Middle East Studies*. Vol. 47. No. 1. P. 56-62.

Korotayev A., Tsirel S. 2010. A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008-2009 Economic Crisis. — *Structure and Dynamics*. Vol. 4. No. 1. P. 3-57.

Korotayev A., Zinkina J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. — *Entelequia. Revista Interdisciplinar*. Vol. 13: 139-169.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011. Kondratieff Waves in Global Invention activity (1900-2008). — *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 78. P. 1280-1284. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2011.02.011>

Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. — *Cliodynamics*. Vol. 2. No. 2. P. 276-303.

Korotayev A.V., Grinin L.E. 2012. Kondratieff Waves in the World System Perspective. — *Kondratieff Waves*. Vol. 1. P. 23-64.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Yu., Shishkina A.R. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. — *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 28-58.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. 2014. The Arab Spring. A Quantitative Analysis. — *Arab Studies Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 149-169. DOI: <http://dx.doi.org/10.13169/arabstudquar.36.2.0149>

Kurzman C. 2012. The Arab Uprising Uncoiled. — *Mobilization. An International Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 377-390.

Lang J., De Sterck H. 2014. The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. — *Mathematical Social Sciences*. Vol. 69. P. 12-21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2014.01.004>

Lavington S. 1998. *A History of Manchester Computers*. 2 ed. Swindon: The British Computer Society. 45 p.

Litsas S. 2013. Stranger in a Strange Land: Thucydides' Stasis and the Arab Spring. — *Digest of the Middle East Studies*. Vol. 22. No. 2. P. 361-376. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/dome.12028>

Matthiesen T. 2012. A "Saudi Spring?": The Shi'a Protest Movement in the Eastern Province 2011-2012. — *Middle East Journal*. Vol. 66. No. 4. P. 628-659. DOI: <http://dx.doi.org/10.3751/66.4.14>

Price J. 2001. *Thucydides and Internal War*. Cambridge: Cambridge University Press. 410 p.

Roy O. 2012. The Islamic Counter Revolt. — *New Statesman*. Vol. 23. No. 141. P. 27-28.

Sinkaya B. 2015. Implications of the Arab Spring for Iran's Policy towards the Middle East. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 54-78.

Volpi F. 2014. Framing Political Revolutions in the Aftermath of the Arab Uprisings. — *Mediterranean Politics*. Vol. 19. No.1. P. 153-156. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13629395.2013.856186>

Weyland K. 2012. The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? — *Perspectives on Politics*. Vol. 10. No. 4. P. 917-934. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1537592712002873>

Wilson A. 2013. On the Margins of the Arab Spring. — *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. Vol. 57. No. 2. P. 81-98.

DOI: [10.17976/jpps/2016.03.09](http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.03.09)

ARAB SPRING AS A GLOBAL PHASE TRANSITION TRIGGER

A.V. Korotayev¹, A.R. Shishkina², L.M. Issaev³

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

²National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

³National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

KOROTAYEV Andrey Vitalevich, Ph.D., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics, Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Email: akorotayev@gmail.com; SHISHKINA Alisa Romanovna, Junior Researcher, Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics, Junior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Email: alias.shishkina@gmail.com; ISSAEV Leonid Markovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Lecturer, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics, Researcher, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences. Email: isleonid@yandex.ru

Received: 12.11.2015. Accepted: 27.01.2016

Acknowledgments. The study was conducted in the framework of the NRU HSE Fundamental Research Program in 2016 with support of the Russian Foundation for Humanities (project No. 14-18-03615)

Abstract. There are grounds to assume that in 2011–2012 the World System experienced to some extent a phase transition to a qualitatively new state of global protest activity. This phase transition is shown to bear some resemblance to the one which the World System experienced in the early 1960s. The first (after 1919) phase transition of this sort occurred in the early 1960s and was related to the growth of global informational connectivity after the World War II, as well as the improvement of the means of protest self-organization due

to the spread of television, portable radio receivers, portable electric loud-speakers and other technologies of the Fourth Kondratieff Cycle. The phase transition of the early 2010s was prepared by a new wave of growth of global informational connectivity, as well as the improvement of the means of protest self-organization due to the spread of various technologies of the Fifth Kondratieff cycle (the Internet, satellite television, Twitter and other social networks, mobile telephony etc.). Similarly to what was observed during the Fourth Kondratieff Wave, during the Fifth Cycle while the spread of these technologies was going on for many years before 2011, their internal colossal potential for generating and spreading protest activity was realized in one leap.

Keywords: Arab Spring; phase transition; sociopolitical destabilization; the Middle East; North Africa; protest activity; Kondratieff cycles; Gartner hype-cycles; mass media; new media.

References

- Arceneaux N. Small, Cheap, and out of Control. Reflections on the Transistor Radio. — *The Routledge Companion to Mobile Media*. New York: Routledge. 2014. P. 125–134.
- Beck C. Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. — *Theory & Society*. 2014. Vol. 43. No. 2. P.197–223. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11186-014-9213-8>
- Bellin E. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. — *Comparative Politics*. 2012. Vol. 44. No. 2. P. 127-149. DOI: <http://dx.doi.org/10.5129/001041512798838021>
- Cha V., Anderson D. A North Korean Spring? — *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 7-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2012.641728>
- Danjibo N. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. — *Strategic Review for Southern Africa*. 2013. Vol. 35. No. 2. P.16-34.
- Erdogan A. From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. — *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. 2013. Vol. 12. No. 3. P. 17-31.
- Goldstone J. *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 2014. 160 p.
- Goldstone J. Understanding the Revolutions of 2011. — *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90. No. 3. P. 8-16.
- Goodwin J. Why We Were Surprised (Again) by the Arab Spring. — *Swiss Political Science Review*. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 452-456. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1662-6370.2011.02045.x>
- Greene R., Kuswa K. From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. — *Rhetoric Society Quarterly*. 2012. Vol. 42. No. 3. P. 271-288. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02773945.2012.682846>
- Grinin L. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. — *Social Evolution & History*. 2013. Vol. 12. No 2. P. 35-76.
- Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? — *World Futures*. 2012. Vol. 68. No. 7. P. 471-505. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02604027.2012.697836>
- Grinin L., Korotayev A. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. — *World Futures*. 2011. Vol. 67. No. 8. P. 531-563. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02604027.2011.625749>
- Grinin L.E., Isaev L.M., Korotayev A.V. *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East]. Moscow: Uchitel'. 2015. 376 p.
- Gunter M. The Kurdish Spring. — *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. No.3. P. 441-457. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2013.785339>
- Hoesterey J. Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. — *Review of Middle East Studies*. 2013. Vol. 47. No. 1. P. 56-62.
- Khodunov A. S., Korotayev A.V. Why Did the Second Agflation Wave Trigger a Sociopolitical Destabilization Wave in the Middle East, but not in Latin America. — *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov*. 2012. Vol. 3. P. 463-507. (In Russ.)
- Korotayev A.V., Khodunov A.S. K prognozirovaniyu dinamiki sotsial'no-politicheskoi destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoi periferii: Blizhnii Vostok versus Latinskaya Amerika [Forecasting Dynamics of Sociopolitical Destabilization in the Countries of the World System Periphery: The Middle East versus Latin America]. — *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya*. Red. A.A. Akaev, A.V. Korotayev, G.G. Malinetskii, S.Yu. Malkov [Modeling and Forecasting Global, Regional, and National Development. Ed. by A.A. Akaev, A.V. Korotayev, G.G. Malinetsky, S.Y. Malkov]. Moscow: LIBROKOM / URSS. 2012. P. 337-386.
- Korotayev A.V., Malkov S.Yu., Burova A.N., Zinkina Yu.V., Khodunov A.S. Lovushka na vykhode iz lovushki. Matematicheskoe modelirovanie sotsial'no-politicheskoi destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoi periferii i sobytiya Arabskoi vesny 2011 g. [A Trap at the Escape from the Trap. Mathematical Modeling of Sociopolitical Destabilization in the World System Periphery Countries and the Arab Spring Events of 2011]. — *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya*. Red. A.A. Akaev, A.V. Korotayev, G.G. Malinetskii, S.Yu. Malkov [Modeling and Forecasting Global, Regional, and National Development. Ed. by A.A. Akaev, A.V. Korotayev, G.G. Malinetsky, S.Y. Malkov]. Moscow: LIBROKOM / URSS. 2012. P. 210-276.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Rudenko M.A. Parallel Cousin Marriage, Female Labor Force Participation Rate and “Afrasian” Instability Zone. — *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov*. 2014. Vol. 5. P. 180-207. (In Russ.)

Korotayev A., Tsirel S. A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008-2009 Economic Crisis. — *Structure and Dynamics*. 2010. Vol. 4. No. 1. P. 3-57.

Korotayev A., Zinkina J. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. — *Entelequia. Revista Interdisciplinar*. 2011. Vol. 13: 139–169.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. Kondratieff Waves in Global Invention activity (1900-2008). — *Technological Forecasting & Social Change*. 2011. Vol. 78. P. 1280-1284. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2011.02.011>

Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. — *Clidynamics*. 2011. Vol. 2. No. 2. P. 276-303.

Korotayev A.V., Grinin L.E. Kondratieff Waves in the World System Perspective. — *Kondratieff Waves*. 2012. Vol. 1. P. 23-64.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Yu., Shishkina A.R. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. — *Central European Journal of International and Security Studies*. 2013. Vol. 7. No. 4. P. 28-58.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Rudenko M.A. Formation of Afrasian Instability Zone. — *Vostok*. 2015. No. 2. P. 88-99. (In Russ.)

Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. 2014. The Arab Spring. A Quantitative Analysis. — *Arab Studies Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 149-169. DOI: <http://dx.doi.org/10.13169/arabstudquar.36.2.0149>

Korotayev A.V., Khodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.Y., Khaltourina D.A., Zinkina J.V. A Sociodemographic Analysis of the Arab Spring. — *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov*. 2012. Vol. 3. P. 28-76. (In Russ.)

Korotayev A.V., Malkov S.Y. A Trap at the Escape from the Trap in Contemporary Modernizing Societies. — *Istoriya i Matematika*. 2014. Vol. 9. P. 43-98. (In Russ.)

Korotayev A.V., Zinkina J.V. Egyptian 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis. — *Aziya i Afrika segodnya*. 2011a. No. 6. C. 10-16; No. 7. C. 15-21. (In Russ.)

Korotayev A.V., Zinkina J.V. Egyptian Revolution of 2011: A Sociodemographic Analysis. — *Istoricheskaya psihologiya i sotsiologiya istorii*. 2011b. Vol. 4. No. 2. P. 5-29. (In Russ.)

Kovelman A., Gershovich Y. War and Peace in Talmud: Event and Its Meaning. Part 2. — *Voprosy Filosofii*. 2015. No. 8. P. 144-158. (In Russ.)

Kurzman C. The Arab Uprising Uncoiled. — *Mobilization. An International Journal*. 2012. Vol. 17. No. 4. P. 377-390.

Lang J., De Sterck H. The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. — *Mathematical Social Sciences*. 2014. Vol. 69. P. 12-21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2014.01.004>

Lavington S. *A History of Manchester Computers*. 2 ed. Swindon: The British Computer Society. 1998. 45 p.

Litsas S. Stranger in a Strange Land: Thucydides’ Stasis and the Arab Spring. — *Digest of the Middle East Studies*. 2013. Vol. 22. No. 2. P. 361-376. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/dome.12028>

Malkov S., Issaev L., Korotayev A., Kuzminova E. About the Method of Estimation Current and Forecasting of Social Instability: a Quantitative Experience of Analysis of the Arab Spring Event. — *Polis. Political Studies*. 2013. No. 4. P. 137-163. (In Russ.)

Matthiesen T. A “Saudi Spring?”: The Shi’a Protest Movement in the Eastern Province 2011-2012. — *Middle East Journal*. 2012. Vol. 66. No. 4. P. 628-659. DOI: <http://dx.doi.org/10.3751/66.4.14>

Price J. *Thucydides and Internal War*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 410 p.

Roy O. The Islamic Counter Revolt. — *New Statesman*. 2012. Vol. 23. No. 141. P.27-28.

Sinkaya B. Implications of the Arab Spring for Iran’s Policy towards the Middle East. — *Middle Eastern Studies*. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 54-78.

Tsirel S. Revolutions, Revolution Waves, and the Arab Spring. — *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov*. 2012. Vol. 3. P. 128-161. (In Russ.)

Volpi F. Framing Political Revolutions in the Aftermath of the Arab Uprisings. — *Mediterranean Politics*. 2014. Vol. 19. No.1. P. 153-156. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13629395.2013.856186>

Weyland K. The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? — *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10. No. 4. P. 917-934. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1537592712002873>

Wilson A. On the Margins of the Arab Spring. — *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 2013